

Мертвая, но не закрывшая глаза

Юнхэ; конец двадцать третьего года, Холодный дворец

Раздался скрип дворцовых дверей, Лоу Цинью открыла глаза и увидела, как в поле ее зрения медленно появляется пара ярко-желтых императорских сапог.

Она лежала на холодном полу. В следующий момент владелец этих сапог ударил ее ногой и перевернул.

Красивая женщина на полу была беременна.

Вошедший, возвышаясь над ней, посмотрел на ее красивое лицо и сказал с презрением и отвращением:

- Ты еще жива?

Это лицо было ей прекрасно знакомо, ведь она знала его уже целых восемь лет, но прямо сейчас оно казалось чужим.

Он, правда, спрашивал, почему она еще не умерла?

Лоу Цинью помнила, как сражалась с ним бок о бок в самые бурные и опасные времена. Какие

отношения тогда были между ними. Как он носил ее, раненную, стоявшую одной ногой в могиле на руках, ласково обнимал ее и уверял:

- Лоу Цинью, даже если этот принц умрет, я не позволю, чтобы умерла и ты.

Тогда он клялся в этом всеми богами.

А сейчас?!

Теперь, когда он император, правящий своими землями, когда-то любимая женщина не имеет для него никакого значения!

Если так, то ее смерть действительно не волнует его.

- Лоу Цинью, ты калека? Валяешься здесь и хочешь вызвать жалость у чжэнь'я? Человек, столь жестокий, беспощадный, отбросивший все приличия, как ты, хочет добиться жалости? Один взгляд на тебя вызывает у чжэнь'я отвращение! И не думай о том, чтобы выйти за пределы Холодного дворца! Даже приняв во внимание твои предыдущие заслуги, думаешь, чжэнь позволил бы тебе родить этого ублюдка?

Лоу Цинью горько засмеялась про себя: если его собственная плоть и кровь - ублюдок, то кто тогда он сам? Зверь?

Она и хотела бы встать, но ее «хорошая» младшая сестра не позволила ей этого. Сестра, о которой она всегда заботилась, приказала, чтобы ей перерезали все меридианы в теле, так как же ей встать?!

- Почему не отвечаешь чжэнь'ю? Так стыдишься, что не можешь говорить? Ты, шлюха, все еще хочешь навредить ребенку Лянь'эр? И Лянь'эр все же лично захотела тебя навестить!

Обвинения все продолжались.

В этот момент гибкое и мягкое змееподобное тело, обвило его руку:

- Государь, не говорите так! Лянь'эр должна это сделать. Хотя старшая сестра хотела навредить нашему ребенку, она все еще моя сестра. Лянь'эр желает поговорить с ней наедине.

Заговорив, эта женщина подняла свой платок и притворно утерла слезы.

Изысканная и блестящая как жемчуг, ее невозможно было не любить.

Такова уж была ее сущность, она умела добиваться жалости и любви к себе.

Таким человеком стал тот, чье лицо было полно теплоты, когда он утешал красивую женщину в своих руках, ее хороший муж Ся Хоуцин.

Он с любовью обнял ее и утешающе погладил:

- Лянь'эр, ты слишком любезно относишься к этой твари с сердцем змеи и скорпиона. Она должна просто умереть!

«С сердцем змеи и скорпиона!» – эти слова жгучей болью отдались в голове Лоу Цинью.

Она повернулась и беззвучно засмеялась. Кто же тогда, показывая на небо, признавался ей:

- Лоу Цинью, ты самая чистая и добрая девушка в мире! Это принц счастлив видеть тебя в этой жизни рядом с собой.

Как давно это было? Всего лишь восемь лет тому назад.

С того момента, как Лоу Ляньсинь вошла во дворец, прошло всего полгода, и он охотно бросился в ее кровать, сделав ей ребенка. Все это произошло, пока она отдыхала, беременная.

Она пожалела ее, думая, что Лоу Ляньсинь осталась совсем одна в своей семейной резиденции.

Она сошла с ума, когда поверила ее цветистым словам и пролитым ею слезам.

Она позволила сестре войти во дворец. И та делала шаг за шагом, вредя ей.

Она была глупа и не остерегалась ее, пила чай, который та ей давала, позволив своей «хорошей» сестре отправить ее в чужую постель. Тогда ее и подловили на «прелюбодеянии».

Она ясно помнила выражение лица Ся Хоуцина: его переполняли отвращение и ненависть. Безо всякой милости и снисхождения Лоу Цинью немедленно отправили в Холодный дворец. Он не позволил ей произнести в свое оправдание ни слова, не пожелал слушать никаких объяснений. От тех восьми лет, которые они знали друг друга, не осталось ни следа!

Да, когда она лично вложила страну в его руки, она потеряла всякую ценность, ему не пришлось больше притворяться, что он в нее влюблен. Вероятно, он уже хотел забрать силу человека, который видел его, когда он был в самом низу, и заставить его полностью исчезнуть!

Она хотела засмеяться, но ее рот с уже вырванным языком был способен только на какие-то невнятные звуки.

Ся Хоуцин больше не мог выносить эту уродливую версию Лоу Цинью, поэтому он с отвращением отвернулся и направился к выходу.

После того как он вышел, дверь дворца беззвучно закрылась.

Слабое и невинное выражение Лоу Лянсинь мгновенно исчезло, сменилось презрительным и насмешливым выражением:

- Лоу Цинью, не думала, что придет день, когда ты будешь так выглядеть!

Она присела, сжав подбородок Лоу Цинью, чтобы убедиться, что та встретила ее взгляд. Но то, что он увидела, не было ни мольбой, не печалью - вместо этого глаза Лоу Цинью были полны холода, словно она стала безмолвной ледяной статуей. Она всегда будет чистой, святой, как чиста бывает небесная синева.

Она отличалась от нее, как небо отличается от грязи!

Лоу Ляньсинь всегда ненавидела это лицо! Как могло случиться, что они обе были из семьи Лоу, но одна стала сильной и могущественной императрицей, а другая вышла замужем за бедного чиновника? Она была так недовольна этим!

- Лоу Циньфу, ты смотришь на меня сверху вниз? Считаешь, что все еще недостижима и сильна? Тогда посмотрим, сможешь ли ты сохранить свое могущество, свою красивую невозмутимую внешность, это безразличное и равнодушное лицо!

Лоу Ляньсинь вдруг странно рассмеялась, все ее лицо исказилось.

Она медленно присела и подняла край одежды Лоу Циньфу, легкими касаниями она медленно заскользила по ее груди вниз, к животу. Живот был круглым, гладким и полным, как воздушный шар, и там еще находилась жизнь.

Глаза Лоу Циньфу наполнились гневом из-за беспощадности ее действий.

- Наконец-то! Ты уже не такая бесстрастная!

Лоу Ляньсинь рассмеялась. Зловещий звук, отраженный по всему пустому дворцу, был кровожадным.

- Старшая сестра, не волнуйся. Твоя младшая сестра хочет помочь тебе родить, разве ты

можешь возражать? Вот лекарство, которое поможет тебе разродиться. Ты должна родить жирного и белого маленького племянника для своей сестры! Ха-ха-ха!

Когда Лоу Ляньсинь закончила говорить, она ущипнула подбородок Лоу Цинью и поднесла лекарство к ее губам.

Лоу Цинью попыталась отвести голову, но тело не слушалось. Лекарство влилось ей в горло, и вскоре после этого она почувствовала острую боль в животе. Начались схватки.

«Больно! – думала она, и ей казалось, что она теряет сознание от боли. - Ребенок, мой ребенок!»

Она уже лежала в луже крови, которой становилось все больше.

Она так хотела родить его! И ей пришлось делать это в ужасных муках, безо всякой поддержки и помощи со стороны близких людей. Она чувствовала, что не испытывала такой мучительной боли за всю свою жизнь. И не знала, сколько времени пройдет до того, как ребенок, наконец, родится. Кровь продолжала течь.

Лоу Цинью знала, что это признак того, что она может умереть от потери крови, но ей было уже все равно. Она беззвучно плакала, не услышав крика своего ребенка.

Она приоткрыла рот и изо всех сил пыталась поднять свое тело, но каждый раз беспомощно падала на пол.

Лоу Ляньсинь, наблюдая за ней, внезапно засмеялась. Ее губы были искажены уродливой гримасой, когда она зловеще произнесла:

- Лоу Циньфу, ты такая наивная! Я не могу дождаться, когда ты сдохнешь! Как будто я позволю тебе родить этого ублюдка, чтобы он мог бороться с моим сыном за любовь отца-императора! Ты хочешь его увидеть? Ха-ха-ха, я позволю тебе увидеть!

После того, как Лоу Ляньсинь заговорила, она что-то вытащила и бросила перед лицом Лоу Циньфу.

Лоу Циньфу попыталась изо всех сил пошевелить головой, но в тот момент, когда она увидела этого едва сформировавшегося ребенка, глаза ее покраснели.

Как будто ее жизнь зависела от этого, она подняла руки и просто хотела попытаться коснуться мертвого младенца, чье тело было синим и неподвижным. Но ее руки и ноги были повреждены, и она не могла ничего сделать. Все, что она могла - это открыть глаза и беспомощно смотреть, как ее ребенок лежит на холодном полу, тельце которого, даже с раздвинутыми конечностями, выглядело маленьким и беспомощным. Ей казалось, что ее сердце разрывается на части...

Лоу Ляньсинь замерла, а когда лицо Лоу Циньфу внезапно изменилось, и ее глаза стали выглядеть так, как будто они выскочат из орбит, она громко рассмеялась:

- Ха-ха-ха! Глупая Лоу Циньфу, ты действительно ожидала, что он сможет родиться живым? С того дня, как ты вошла в Холодный дворец, это было уже невозможно. Видишь, несыновья трава сделала свое дело, он был мертв с самого начала! Мертв с самого начала! Ха-ха-ха, Лоу Циньфу, как тебе умирается, когда ты знаешь это? После того, как ты умрешь, я закрою твоё тело в гробу так, что ты никогда не сможешь перевоплотиться, ха-ха-ха! Ты умрешь с ненавистью, видя меня, сияющую великолепием и славой! И ты сможешь только смотреть, завидуя моему успеху. Завидуя моей жизни! Ты обречена на это целую вечность!

Лоу Цинью все еще смотрела на этого ребенка, она хотела обнять его холодное тело, чтобы согреть его.

Еще какие-то мгновения ее тело продолжало двигаться к нему, но все усилия были напрасны.

Мышцы в ее теле так сильно напряглись, что выглядели зловеще и ужасно. Кровь из тела капля за каплей текла к телу ребенка. Вся сцена была пропитана и пахла кровью, как место жертвоприношения.

Ее любимый, долгожданный ребенок был принесен в жертву!

Лоу Цинью в отчаянии заплакала.

Она вытянула шею, и из ее горла вырвались звуки, похожие на вой зверя, но она так и не могла дотянуться до этого ребенка.

Неизвестно сколько времени прошло, прежде чем Лоу Лянсинь, наконец, увидела достаточно, чтобы почувствовать удовлетворение. Она медленно поднялась и подошла к холодному телу Лоу Цинью.

Ее широко открытые глаза все также, не отрываясь, смотрели в сторону ребенка и были красными, как коралл, демонический и печальный...

Безграничное отчаяние, которое не отпускало до этого момента Лоу Цинью, наконец, уступило

место вечному покою. Его не могли потревожить даже пронзительные звуки неприятного смеха.

- Ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

Лоу Лянсинь продолжала смеяться и не заметила, как открылась дверь.

Избегая смотреть на красные, широко открытые глаза Лоу Цинью даже после смерти, Лу Лянсинь подбежала к высокой фигуре, беспомощно плача:

- Император, старшая сестра хотела убить меня... Я не нарочно. Ей пришлось рожать. Я по доброй воле хотела помочь ей родить, но она попыталась убить меня. Я так испугалась, что оттолкнула ее! Кто же знал, что старшая сестра внезапно убьет своего ребенка! Император, я так напугана, мне очень страшно!

За ее голосом, который вызывал жалость, последовал другой - ранее гневный, теперь он звучал утешающе:

- Лянь'эр, не бойся. Мертвый уже мертв. Это всего лишь ублюдок, он уже не навредит нашему ребенку.

- Император!

- Эй, кто-нибудь! Унесите эту мертвую суку с ее отродьем и скормите собакам!

Вне стен своего дворца он внезапно становился беспокойным.

Тело Лоу Цинью вытащили, как тряпку, никто не заметил, что ее рука двинулась и случайно коснулась ребенка, тело которого уже было ледяным. Она внезапно переместилась и как бы схватила мягкую и нежную маленькую руку младенца. Из глаз настрадавшейся женщины, которые были широко открыты в момент наступления смерти, внезапно потекли кровавые слезы...

<http://tl.rulate.ru/book/8168/754101>